

Фото: из личного архива Геннадия Бурбулиса

В чем виноват Путин!?

«Серый кардинал» Бурбулис дает совет президенту.

Один из самых могущественных политиков из окружения Ельцина в канун своего юбилея рассказал, как строилась новая Россия, кто сверг Горбачева и куда ведет страну нынешняя команда

Во вторник исполняется 70 одному из наиболее загадочных политических деятелей обновленной России. Его называли «серым кардиналом» ельцинской эпохи и самым влиятельным человеком из окружения первого Президента России. В начале девяностых Геннадий Бурбулис совмещал должности госсекретаря России и первого заместителя председателя российского правительства. Легенды гласят, что и все это правительство набирал Бурбулис, ему же присваивают лавры инициатора Беловежских соглашений о распаде СССР и даже считают главным творцом восхождения Ельцина на пост №1 в России. «МК» поговорил с юбиляром о том,

какова доля вымысла и исторической правды в легендах о нем, и о том, куда сегодня, на его взгляд, идет Россия?

— Геннадий Эдуардович, каков ваш вклад в то, что Борис Ельцин стал Президентом России?

— Я возглавлял его избирательный штаб в 1991 году. Но правда в том, что президентом Бориса Ельцина сделали история и российский народ, который к началу 90-х годов устал бесконечно ожидать светлого будущего, которое будет спущено откуда-то с вершин советской власти, и ощутил желание жить нормально, достойно уже сейчас. Люди захотели свободы, личной ответственности за свою жизнь и права проявлять инициативу. Все это было в программе кандидата в президенты РСФСР Ельцина.

Напомню, что съезд депутатов РСФСР побоялся избирать президента, блокировал эту идею, и президентский пост был учрежден народным референдумом. Борис Николаевич победил на первых всенародных выборах с огромным преимуществом (он набрал 57,3% голосов, его ближайший соперник Н.Рыжков — 16,85%).

Что касается лично меня, то я был представителем очень массового и активного победного послевоенного поколения. Наше поколение облучали утопией съездов КПСС и грезами о создании идеального общества в СССР, мы — поколение, испытавшее восторг от полета Юрия Гагарина в космос, но затем пережившее унижение геронтократией, застоём в нашей стране, невостребованностью и отторжением всего передового. Мы пришли к пониманию, что чудовищный эксперимент по осчастливливанию граждан СССР через насилие, через подавление личных талантов и взглядов, через истребление неугодных неизбежно провалится. Наше поколение выстрадало перестройку, увидело надежду в идеях гласности, демократизации, инициативности. У Михаила Горбачева был исторический шанс воплотить наши мечты.

— Если вы так обрадовались горбачевской перестройке, то зачем же вы свергли Михаила Сергеевича?

— Как бы ни выглядело это сейчас, но наша команда под руководством Бориса Ельцина и Андрея Сахарова не свергала Горбачева. Порыв Михаила Сергеевича к демократическим преобразованиям мы приветствовали, но он был наивным и непоследовательным. Горбачев полагал, что обновление можно осуществить в рамках существующей социалистической модели и под руководством поучающего политического класса. Беда Михаила Сергеевича в том, что он не сумел преодолеть советские стереотипы. Когда были избраны съезды народных депутатов, то появилась потрясающая возможность сделать делегатов мотором преобразования советской империи в новое качество. Но Горбачев и его товарищи усмотрели в депутатском корпусе угрозу. В итоге Михаил Сергеевич, который сам же выпустил на волю жизнотворную энергию обновления, стал с ней бороться.

Одной рукой он продолжал развивать демократические институты, другой — душил их. Этот разрыв нанес ему серьезную психологическую травму, которая проявилась в августе 1991 года.

20 августа в Москве должно было начаться подписание союзного договора, подготовленного в ходе Ново-Огаревского процесса. Он должен был способствовать эволюционному преобразованию Союза в современное государство. Определив еще 2 августа 1991 года эту дату, Горбачев берет отпуск с 4 августа и уезжает в Форос. На аэродроме он выслушивает своих соратников, которые убеждают, что нужно не подписывать договор, а вводить чрезвычайное положение. «Попробуйте, но у вас ничего не получится...», — как бы невзначай говорит Михаил Сергеевич. Чрезвычайное положение, введенное 19 августа с тихого благословения Горбачева, продержалось всего три дня, но этого хватило, чтобы раз и навсегда потерять исторический шанс на спасение Союза. Я назвал эти три дня «политическим Чернобылем». После него, к огромному нашему огорчению, уже не осталось места ни для СССР, ни для его президента Горбачева, который уже ничем не управлял. Тогда на первый план в РСФСР вышла наша команда во главе с Ельциным, в других республиках — их руководители. Требовалось срочно решать на местах вопросы жизни и смерти, в первую очередь — как и чем накормить людей, как обеспечить подготовку к зиме... Осенью 1991 года пятый съезд депутатов РСФСР назначил Ельцина председателем правительства, которому предстояло принять и реализовать первоочередные меры по выходу из чудовищного кризиса.

— Вашу роль в формировании этого кабинета, как говорят, невозможно переоценить... Вы привели в правительство Гайдара и его команду реформаторов?

— Так и есть. В этот период у меня были очень значительные полномочия и возможности. 12 июня 1991 года Бориса Ельцина избрали президентом РСФСР, а 19 июля своим указом он создал Государственный совет и учредил должность госсекретаря России, на которую назначил меня. Госсекретарь по определению наделялся обязанностью формировать стратегию внутренней и внешней политики, обеспечивать систему безопасности, формулировать программу реформ и создавать сильную президентскую власть...

Для того чтобы понять, что делать с разоренной экономикой, которую получили в наследство, при Госсовете мы сформировали несколько групп экономистов. К тому времени мы уже прошли испытание программой «500 дней» и убедились в том, что в критических ситуациях решения нельзя откладывать не то что на 500 дней, но даже на неделю или день. Одна из групп, под руководством Гайдара, предложила набор наиболее оперативных и исполнимых шагов. Их программа имела уникальное качество: содержала не только идеи и систему мер, но они обеспечивались уже существующими нормативно-правовыми актами.

— Гайдара к Ельцину привели вы?

— Да, но не привел, а настойчиво рекомендовал его платформу. Мы с Егором Гайдаром познакомились в дни августовского путча, когда защищали Белый дом.

Егор туда пришел с коллегами, а на следующий день они коллективно вышли из КПСС. Я слышал о Гайдаре до нашей встречи, поэтому наш разговор был предметным. Мы договорились о том, что он собирает группу профессионалов и мы встречаемся, когда ситуация успокоится. Так и сделали. Отвезли их на дачу в Архангельское, и они начали работать над программой. Когда часть программы уже была готова, мы ее обсуждали на Госсовете. Обсуждали и то, кому можно доверить ее реализацию. Я пришел к выводу, что нужно рекомендовать Борису Николаевичу встретиться с Гайдаром, и решил убедить президента, что именно ему нужно поручить экономический блок правительства.

— Убедить Ельцина в этом было сложно?

— В сентябре мы вдвоем с Борисом Николаевичем провели три дня в Бочаровом Ручье, где изучали и обсуждали программу выхода из кризиса: что делать, как делать и с кем делать. Тогда я увидел, насколько серьезно Ельцин стремится вникнуть в существо задач и предлагаемых решений. Было заметно, как сложно ему на ходу перестроить свое мышление советского администратора на современную, рыночную, коллегиальную и профессиональную систему управления. Он сделал это, чего так и не смог Горбачев.

Ельцина тревожил гайдаровский план решительной либерализации. Но он принял его, когда убедился, что у нас нет другого выхода, не существует иных источников выживания, кроме свободы рынка и конкуренции. Мы договорились, что президент познакомится с Егором Тимуровичем и сможет лично уточнить детали.

Когда они встретились, Гайдар произвел на Ельцина самое хорошее впечатление. Борис Николаевич, человек с огромным кадровым опытом, прошедший через потрясения, связанные с борьбой со старой советской бюрократией и ее партийной традицией никуда не спешить и поменьше делать, увидел перед собой молодого, деятельного, решительного человека, говорящего внятно и четко, способного отстаивать свою правоту и брать на себя ответственность. Это олицетворение молодой России в Гайдаре сопрягалось с Россией исторической, которую воплощали предки Гайдара. Для Ельцина было символично и то, что разговаривающий с ним реформатор — внук Аркадия Гайдара (ведь предстояло создать свою «тимуровскую» команду, которая должна заботиться о бабушках и дедушках страны, стоящей у пропасти), и то, что он потомок Павла Бажова, сказки которого в сердце у каждого уральца. Грело и то, что многие годы своего детства Егор провел в нашем родном Свердловске, на улице Чапаева.

Поэтому президент Гайдара принял не только как перспективного экономиста, но и как человека, и всячески его поддерживал.

— Ельцин полностью осознавал, насколько болезненными в итоге будут гайдаровские реформы?

— Да. Он это понимал настолько, что мы пришли к выводу: без его личной решительной поддержки никто никогда не сможет даже ничего близкого

предпринять. Поэтому он и решился, уже будучи президентом, лично возглавить правительство и добился от съезда, который его назначал, права решать неотложные вопросы своими личными указами. 6 ноября 1991 года он назначил указами Егора Гайдара своим заместителем по экономическим реформам, Александра Шохина — по социальной политике, а меня как госсекретаря и инициатора этой реформаторской команды — первым зампредом правительства.

Моральная нагрузка на Ельцина осенью 1991 года была огромной. 15 ноября под председательством Бориса Николаевича правительство, которое к тому моменту было уже полностью сформировано, приняло более 20 документов, которые сейчас неадекватно называют одним словосочетанием — «шоковая терапия». С моей же точки зрения, эти решения перевернули сознание миллионов людей, а 15 ноября стало днем прорыва России в новую жизнь. Это была система неотложных мер, призванных предотвратить полную катастрофу.

Фото: из личного архива Геннадия Бурбулиса

— Декабрьское Беловежское соглашение о роспуске СССР было таким же срочным и необходимым?

— Мы не планировали ничего особенного подписывать, когда ехали в усадьбу Вискули. К тому времени у четырех республик — России, Украины, Белоруссии и Казахстана — уже были двусторонние договорные отношения, мы их развивали и уточняли. Никаких дополнительных бумаг они не требовали.

Осенью 1991 года Горбачев начал мучительный процесс Ново-Огарево-2 — бессмысленные посиделки с целью написать новый вариант союзного договора. Там Михаил Сергеевич собирал республиканских лидеров и часами что-то говорил. Все понимали, что Кремля нет, Горбачев и союзные власти ничем не управляют, но терпели эти встречи.

После одного из таких заседаний расстроенный бессмысленностью происходящего председатель Верховного совета Белоруссии Станислав Шушкевич подошел к Ельцину и сказал, что хорошо бы встретиться и нормально обсудить назревшие между республиками вопросы. Его больше всего интересовало энергоснабжение.

Встречу наметили на 8 декабря. А 1 декабря Украина выбрала своего президента — Леонида Кравчука. И он попросился принять участие в беловежской встрече. Все согласились, после чего решили пригласить и президента Казахстана Назарбаева. Последний, как человек мудрый и осторожный, решил сначала заехать в Москву к Горбачеву и в Белоруссию оттуда уже не прибыл. А пока мы его ждали в течение целого дня, Кравчук нам объяснял, что Украина теперь — совершенно новое президентское государство, ни в какой Союз она больше не входит и не знает, где находится такой Кремль и кто такой Горбачев. Он категорично заявлял, что Украина выстрадала свободу и историю теперь не вернуть. Нам было совершенно непонятно, в каком же теперь формате решать хотя бы энергетические вопросы. И тут у России и Белоруссии родилась идея — создать содружество — Содружество независимых государств. Кравчук обрадовался и моментально ухватился за эту идею. Это не накладывало ни на кого особых обязательств, но открывало перспективы взаимодействия. И мы достаточно быстро написали документ, в котором говорится, что СССР как геополитическая реальность прекратил свое существование и заключается соглашение о создании СНГ. В Белоруссии ее подписали три страны, а затем присоединились все республики бывшего СССР, кроме прибалтийских.

На мой взгляд, время показало, что «узаконить» распад СССР было необходимо, потому что до Беловежских соглашений существовало безвластие: союзные власти уже ничем не управляли, а республиканские не имели достаточных полномочий, чтобы взять всю инициативу на себя.

— Почему, стремительно набрав такую силу в первые ельцинские годы, вы так же стремительно ушли из власти?

— Реформы были болезненными, уже в начале апреля 1992 года произошло первое серьезное столкновение парламента с президентом и правительством. Моя роль на тот момент была уникальной: и зампред правительства, и госсекретарь, а к этому времени я еще курировал контакты с главами регионов, депутатами, партиями... В обществе меня стали считать «серым кардиналом», которому до всего есть дело. Из уст делегатов съезда так и прозвучало: Бурбулиса стало слишком много. Ельцин в те годы был вынужден маневрировать, балансировать между разными силами, ему приходилось иногда идти на уступки. Были назначены новые выборы председателя правительства, в которых Ельцин уже не участвовал, но в парламенте никто из

кандидатов так и не смог получить большинства. В итоге только в июле Егор Гайдар получил временный статус и.о. премьера. В декабре 1992 года давление съезда возросло: недемократическая часть народных депутатов РСФСР поставила президенту ультиматум с требованием убрать Бурбулиса «из политической жизни России», и я оставил все государственные посты. Тем временем съезд признал работу правительства под руководством Гайдара неудовлетворительной и не утвердил его кандидатуру на должность премьера; 12 декабря им стал Виктор Черномырдин. В спину нам сыпались упреки: как этим философам и молодым научным сотрудникам можно было доверить управление государственной машиной? Но свое дело мы сделали. Нас убрали, но вернуть страну к старым представлениям об управлении уже было невозможно. Все следующие за нами продолжали путь, проложенный первыми реформаторами.

— Как политики первой команды Ельцина и вы лично оцениваете сегодняшнюю политическую жизнь страны, состояние рыночных отношений и экономических свобод?

— Это — предмет моих переживаний. Я воспринимаю как дар то, что судьба позволила принимать активное участие в событиях на рубеже эпох, когда подпись недавнего парнишки с уральского завода стояла рядом с подписью президента на документах, которые изменили мировую историю и заложили основы для становления нового российского государства.

Но сегодня мы имеем дело с затяжной реставрацией имперских и советских ценностей. Государственные мужи стали очень часто оценивать события 90-х годов неадекватно, видны очень опасные тенденции явочного пересмотра заложенных тогда базовых конституционных ценностей. Налицо доминанты, которые никогда ничего хорошего стране не приносили: поиск врага, внутреннего и внешнего...

При этом я хорошо понимаю, что сложившийся сейчас идейный и мировоззренческий климат — результат не только чьей-то персональной воли, но и глубинной, исторически закодированной для российского чиновничества традиции запрещать, подозревать, докладывать куда следует... Ошибка наша — первых реформаторов — заключалась в том, что мы наивно полагали, будто переход от патологических, тоталитарных имперских традиций к цивилизованному гражданскому обществу, новым демократическим ценностям может произойти быстро и легко, однако многовековой российский уклад и тоталитарные традиции советской эпохи оказались сильнее.

— Так что же теперь: мы обречены вечно сидеть в патерналистском государстве, в восточной империи, враждебной западному миру?

— Нет. Я воспринимаю происходящее в последние годы ужесточение политической системы как важный урок. Знания, полученные благодаря ему, должны помочь нам преодолеть многовековое имперское наследие. И большую роль в этом может

сыграть прозападно настроенная оппозиция, для этого она должна помогать стране точнее осознать ситуацию и найти достойный выход из этого имперского тупика.

— Какой бы совет вы дали Путину, если бы он об этом попросил?

— Я бы сказал ему, что нужно поверить в наших граждан. Я сказал бы: «Не сомневайтесь, что в России сейчас есть многие десятки миллионов людей, которые не хотят ни при каких условиях уезжать из страны. Есть и миллионы, которые недовольны происходящим, но они не хотят бороться с государством, а хотят вдумчивого общения и сотрудничества с действующей властью». А совет был бы таким... Не нужно думать, что кругом враги и шпионы. У нас много ответственных людей, которые болеют за страну и хотят ею гордиться. К ним не нужно относиться с предубеждением, их не нужно ущемлять в правах. С ними не нужно говорить языком указаний и запретов, а следует вести диалог, в процессе которого можно будет исправить накопившиеся ошибки. Подрастают новые поколения, они в гораздо меньшей степени испытывают груз исторического прошлого. Мы строим страну для них, а значит — нужно спросить у них: какую страну мы должны построить. Хотят ли они большей свободы и ответственности, или предпочитают, чтобы государство их строго направляло на путь истинный.

— Скажите, пожалуйста, пару слов о научной работе, которой вы сейчас занимаетесь?

— Уже более десяти лет мы с соратниками разрабатываем новую научную дисциплину — политософию. Открыта кафедра в Международном университете в Москве, я ее возглавляю. Ключевая идея этого учения в том, что ни одной глобальной проблемы в современном мире невозможно решить без культуры диалога и взаимопонимания между людьми и государствами. Политософия — это и мировоззрение, и методология, и практика в форме социокультурной педагогики. В своей исследовательской и практической деятельности она опирается на триаду «Человек — Власть — Свобода» как на единое целое, а не как на несовместимые ценности. А ключевой политософский вопрос для человека заключается в том, как ему жить достойно среди людей в родной стране и современном мире, независимо от дефектов окружающей его политической среды.